

Те, кто наблюдал эту сцену издалека, разразились смехом. Хотя у Чжао Бао лицо тоже было не сахар, он всё же понимал, что Бай Мяомяо просто шутит. Вэнь Жуюй, смеясь, схватился за живот:

— Господи, ну наконец-то и тебя дошло!

Остальные не понимали, что это значит, но Цзян Мэнлинь знал слишком хорошо.

Поэтому у него даже не возникло чувства досады. Он как ни в чём не бывало оскалил зубы в ответ на смешки, затем поднял руку и стёр помаду с губ.

Чёрт... Роза.

Такие выходки Бай Мяомяо случались время от времени. На посиделках с друзьями она то и дело вытворяла что-нибудь этакое. Цзян Мэнлинь считал, что это побочный эффект жизни за границей. Но даже для него оказаться объектом такого издевательства при всех было немного неловко.

— Сволочь...

Цзян Мэнлинь смотрел на Бай Мяомяо с её хитрой ухмылкой и беззвучно, но чётко проговорил. Бай Мяомяо подняла бровь и небрежно указала пальцем за спину Цзян Мэнлиня.

Цзян Мэнлинь почувствовал тепло, исходящее от Сун Цинсюя за спиной, подался к нему, но обнаружил, что грудь у того неестественно напряжена.

Эй?

Цзян Мэнлинь на секунду замер, но тут же понял: Сун Цинсюя, должно быть, напугала дерзость Бай Мяомяо.

Впрочем, неудивительно: где ему было видеть таких буйных девчонок?

Цзян Мэнлинь подумал, что не стоит оставлять у Сун Цинсюя плохое впечатление о Бай Мяомяо. Он потерся подбородком о плечо Сун Цинсюя и, не поднимая глаз, пробормотал:

— Не думай плохого, мы просто так баловались. Она часто так делает. Вроде бы хорошая девушка, но совсем без задних мыслей.

Сун Цинсюй ничего не ответил, но дыхание его участилось. Цзян Мэнлинь удивился и тут же вскинулся, чтобы взглянуть на него. Один взгляд — и он ахнул.

Глаза Сун Цинсюя покраснели от злости.

— Эй! Да ты что серьезно?

Цзян Мэнлинь запаниковал, никак не ожидая, что он отнесётся к этому так серьёзно:

— Правда, это просто игра. Я не занимаюсь романами с сёстрами, а если бы и искал пару, то точно не такую...

Взгляд Сун Цинсюя был тёмным, он положил руку на лицо Цзян Мэнлиня, и в голосе звучала гроза:

— Она домогалась тебя!

— Пфф!!

Цзян Мэнлинь выпустил струю газировки далеко вперёд и закашлялся, уткнувшись в плечо Сун Цинсюя.

— Сун Цинсюй, ты с ума сошел!? — закашлялся он. — Какое домогательство? Она же девушка! Ты разуй глаза, она — девушка!

— Именно потому что она девушка! — Сун Цинсюй упрямо возразил, и в этом упрямстве читалась глубокая, идущая от самого сердца антипатия к Бай Мяомяо. — И тебя это не беспокоит!?

Цзян Мэнлинь наконец перестал кашлять. Ему казалось, что сегодня его представление о мире рухнет с каждой минутой. Он испугался, что не выдержит и расхохочется, поэтому сделал лицо абсолютно каменным:

— Почему это должно меня беспокоить?

— Ты что, любишь её!? — ещё больше возмутился Сун Цинсюй. — Какая такая развратная женщина может стать хорошей женой и матерью!? Сяо Линь, не упрямясь, она тебе не пара. Если ты продолжишь в том же духе, однажды ты пожалеешь.

Цзян Мэнлинь почувствовал, что сил объяснять у него просто не осталось. Он остро ощутил правоту поговорки «кто оправдывается, тот виноват». Глубоко вздохнув, стиснув зубы и взявшись за лоб Сун Цинсюя, он твёрдо и чётко произнёс:

— Хватит выдумывать! Я её не люблю! Она моя подруга!

Сун Цинсюй замолчал, но в его глазах всё ещё читалось недовольство.

Цзян Мэнлинь почему-то не чувствовал себя обиженным. Видя, что тот успокоился, он облегчённо выдохнул, снова уселся к нему на колени, принялся за газировку и, покачив головой, повторил:

— Не принимай так близко к сердцу. Сейчас многие так шутят... Это просто поцелуй, от этого не забеременеешь.

Сун Цинсюй тяжело смотрел на пьющего газировку Цзян Мэнлиня. Тёмно-коричневая жидкость сочилась из уголков его губ. Губы у него были полные, как спелый апельсиновый ломтик.

Сун Цинсюй провёл пальцем по влажным губам Цзян Мэнлиня и произнёс:

— В следующий раз не играй так. Это плохо.

Цзян Мэнлинь быстро закивал, чувствуя себя так, будто только что избежал казни, а в душе втыкал десятки золотых иголок в чучело Бай Мяомяо.

Сун Цинсюй смотрел вслед удаляющемуся за куриными крылышками Цзян Мэнлиню и немного опешил. Затем, сам не зная почему, он поднял руку и занёс в рот палец, которым только что коснулся губ Цзян Мэнлиня.

Кончик языка уловил сладковатый привкус газировки. Сун Цинсюй медленно нахмурился, в душе не уменьшаясь недоумение.

«Многие так просто шутят? Это... слишком легкомысленно».

Лю Лиян наконец был освобожден.

Лю Я плакала у дверей отцовского дома целые сутки. Наконец Лю Вэйцзюнь не смог устоять перед дочерью. Он попросил нескольких верных боевых товарищей, и те, пользуясь связями, по крупницам выяснили в Имперской столице, где именно находится Лю Лиян и кого он там обидел.

Отец Лю был в панике. Имя семьи Чжоу в Имперской столице, может, и не гремело на весь мир, но это были не те люди, с которыми кто-то его уровня мог бы позволить себе связываться. Но раз уж местонахождение стало известно, а Лю Лиян — первый внук его поколения, Лю Вэйцзюнь не мог сказать, что ему совершенно всё равно. К тому же семья Лю в городе W была тоже не последняя. Ради одного чиновника из Имперской столицы побояться вызволить собственного внука? Куда тогда он будет смотреть?

Ему повезло, что дело Лю Лияна было связано со злоупотреблением властью семьёй Чжоу. Отец Чжоу, поразмыслив, решил не раздувать скандал до масштабов вселенских. Иначе, если бы вылезли семьи Чжао и Бай, Лю Вэйцзюню несдобровать бы.

Тем не менее Лю Лияну здорово досталось.

Чжоу Шихуа отнюдь не был добряком. Наоборот, в чём-то его характер напоминал характер Цзян Мэнлиня. С виду — открытый и весёлый парень, но на самом деле, если говорить о коварстве, он, пожалуй, мог бы дать сто очков вперёд.

Но между ним и Цзян Мэнлинем всё же была разница, и для Лю Лияна эта разница, скорее всего, была не в его пользу.

Цзян Мэнлинь вырос в бедности. И хотя в сердце его жила ненависть, в отместке он не был жесток. По крайней мере, он всегда знал меру и умел вовремя остановиться.

Но Чжоу Шихуа был иным. Как бы он ни пытался казаться благородным джентльменом, он вырос под влиянием политического воспитания отца. Отец Чжоу раньше не служил в Имперской столице, и в детстве Чжоу Шихуа был местным напёрсточником и хулиганом, натворив немало дел. С возрастом он научился прятать свои вспышки ярости под маской приличия. Но это не значило, что они исчезли — просто они затаились на дне души, выжидая момента.

Одна неосторожная ошибка Лю Лияна стоила ему первого серьёзного падения в жизни, и это было больше, чем просто позор.

Чжоу Шихуа ни за что не мог себя заставить простить его. К тому же он люто ненавидел Лю Лияна за то, что тот втянул семью Чжоу в неприятную ситуацию. Естественно, он не стал мешать собственному мщению.

Однако отец и сын молчали договорились не рассказывать Бай Шаофэну и остальным о том, что случилось дальше. Цзян Мэнлинь, разумеется, не испытывал особой жалости к Лю Лияню. Поэтому, когда семья Лю предложила крупную сумму за выкуп Лю Лияна, отец Чжоу, немного поколебавшись, взял деньги и согласился его отпустить.

Чжоу Шихуа, конечно, был недоволен, но у отца Чжоу были свои причины.

В деле Лю Лияна роль семьи Чжоу была очевидна для любого сведущего человека. И хотя пока никто не начинал расследование по горячим следам, отец Чжоу привык быть осторожным. Такой компромат лучше не держать у себя.

Чжоу Шихуа, всё взвесив, доложил об этом Цзян Мэнлиню.

Цзян Мэнлинь на мгновение удивился его предупреждению.

Он никогда не ожидал, что Чжоу Шихуа выкажет такую доброжелательность именно в этом вопросе. Хотя он всё ещё чувствовал некоторую неприязнь к Лю Лияню, но добить его так, чтобы тот не мог подняться всю жизнь, — это не было в стиле Цзян Мэнлиня. Во многих случаях, а может быть, и вообще, жизнь может быть хуже смерти. Точно так же, как он сам: в прошлой жизни он боролся за выживание в этом мире, испытал сколько унижений и страданий — и всё это знал только он один.

<http://bllate.org/book/16657/1526874>